

Резкий, оглушительный выстрел разорвал лесную тишину. Перепуганное зверьё бросилось врассыпную, а птицы, дремавшие в кронах деревьев, с громким хлопанием крыльев взмыли в небо и принялись кружить над лесом неровными клиньями.

В следующее мгновение на сотни метров вокруг воцарилась звенящая, мертвая тишина. Даже самые отчаянные сорванцы, глядя на суровое лицо Гоуданя, притихли и не смели издать ни звука.

Это безмолвие давило на плечи осязаемой тяжестью. Воздух словно застыл, в горле першило от страха, безумно хотелось закашляться, чтобы прогнать удушливое оцепенение.

Но после грозного окрика Гоуданя никто не отваживался даже пикнуть. Ребята замерли, изо всех сил сдерживая дыхание. Заметив, как побледнел и посерьёзнел их вожак, вечно весёлая детвора мигом растеряла всю спесь. Кто-то попытался шёпотом спросить, что стряслось, но Гоудань лишь предостерегающе поднял руку, требуя тишины. Он осторожно высунул голову из густой листвы, а затем показал остальным выразительный жест, проведя ребром ладони по горлу. Мальчишки испуганно вжали головы в плечи.

Они затаились на ветках, словно лесные жуки, сливаясь с корой и листьями. Сельская жизнь приучила их к играм в прятки в густых зарослях, так что маскироваться они умели отлично. Не будь этой сноровки, необученные дети выдали бы себя в первую же секунду.

Послышался тяжёлый, надрывный хрип и шаркающие, нетвёрдые шаги — кто-то пробирался сквозь густой кустарник, ломая ветки. Младший из мальчишек едва не вскрикнул от ужаса, но старший товарищ вовремя зажал ему рот ладонью.

— Эй! Кто тут? А ну выходи! — раздался хриплый, дрожащий голос.

В ответ ему было лишь шуршание листвы, потревоженной лёгким ветром. Незнакомец, шатаясь, поднял пистолет дрожащей левой рукой, затравленно огляделся по сторонам и, помедлив, стал пятиться назад. Он едва не запутался в густой траве и чуть не рухнул навзничь. Лицо его было залито потом; казалось, из-за сильной потери крови у него начались галлюцинации, а в ушах звенело. Качаясь из стороны в сторону, он медленно скрылся в зарослях.

У Гоуданя кожа покрылась мурашками от липкого страха. Если бы этот безумец наугад пальнул по деревьям, кто-то из ребят точно остался бы лежать здесь навсегда.

Что вообще происходит? Откуда в их мирных краях взялось оружие и почему люди стреляют друг в друга? Простой деревенский ум Гоуданя отказывался это понимать. Да, они жили у подножия гор, но никаких крупных хищников тут отродясь не водилось. Значит, это была человеческая схватка. Но эта разборка казалась слишком опасной для их глухой деревни. Мальчику на мгновение почудилось, будто в его привычную, размеренную жизнь грубо ворвалось что-то чужое и пугающее из совсем другого мира.

— Уходим. Быстро, — скомандовал Гоудань, едва шорох шагов незнакомца окончательно затих вдали.

Он первым соскользнул по стволу вниз, даже не заметив, как ободрал кожу на груди. Остальные посыпались следом, оставляя на пыльных животах белые царапины от шершавой коры.

— Ой, подождите меня! — тихо пискнул кто-то, споткнувшись.

— Помоги ему подняться! Нам надо скорее бежать домой и всё рассказать взрослым!

Вся их былая спесь и бесстрашие испарились без следа. Одно дело — играть в разбойников, и совсем другое — увидеть живого человека с настоящим пистолетом и окровавленной ногой. Дрожа от страха и спасая свои жизни, сорванцы со всех ног припустили прочь из леса.

Гоудань на бегу внимательно примечал следы, прикидывая, куда направился раненый. Чтобы уберечь товарищей от беды, он строго-настрого запретил им оборачиваться и смотреть в ту сторону: дедушка Чжу рассказывал, что опытный боец всегда жопой чует чужой взгляд. Спину Гоуданя до сих пор обдавало ледяным холодом, а волосы на затылке стояли дыбом.

Несколько ребят, вспомнив рассказы дедушки Чжу о войне, предложили бежать напрямик на государственную ферму.

Гоудань резко остановился и задумался. Ферма и вправду была ближе всего. Ван Сюань схватил его за рукав и закивал:

— Да-да! Мы же видели, как там, на окраине, иногда ходят патрули в военной форме и с настоящими винтовками. К тому же...

"К тому же дедушка Чжу как-то проговорился, что эта ферма — не просто хозяйство, а замаскированный военный гарнизон, — Ван Сюань понизил голос до заговорщицкого шёпота. — Там служат и ветераны, и действующие солдаты, и те, кого прислали из столицы. Он говорил, что за такими, как они, нужен и присмотр, и защита. Я мало что в этом понимаю, но раз дедушка воевал в чине генерала, то охранять его должны очень серьёзные люди!"

— Бежим на ферму! — решительно скомандовал Гоудань.

Хоть ферма и находилась ближе деревни, бежать всё равно пришлось прилично. Измотанные, потные и запыхавшиеся, ребята наконец выскочили к внешней границе хозяйства. К их удивлению, военных на патрулировании сегодня оказалось гораздо больше обычного, и все они были при оружии.

Мальчишки растерянно переглянулись, не зная, как начать разговор. Одно дело — шуметь в

лесу, и совсем другое — заговорить с суровыми часовыми.

— Дяденька... товарищ солдат! — тяжело дыша, выдавил один из ребят.

Патрульный, заметив взмыленных деревенских детей с корзинами, сразу понял, что те промышляли на убранных полях в поисках остатков арахиса. Лицо его сделалось строгим.

— Быстро возвращайтесь домой, — сурово оборвал он их. — Посторонним вход на территорию фермы строго воспрещён. Поворачивайте назад.

— Да, но... — мальчишка растерялся и уже сделал шаг назад, но тут же упрямо повернулся обратно.

— Я кому сказал? Кругом и шагом марш! Домой!

— Но там в лесу стреляли! — выкрикнул Гоудань, протискиваясь вперёд. — Там человек с пистолетом! И он весь в крови!

— Да, мы на дереве прятались и всё видели! — негромко вставил Ван Сюань, прячась за плечом друга.

Солдат мгновенно переменялся в лице. Он быстро подозвал напарника, вполголоса передал ему слова ребят и указал рукой в сторону леса. Второй часовой бросил на притихших детей быстрый, оценивающий взгляд, от которого у Гоуданя даже затылок онемел, и бегом скрылся за воротами фермы. Тяжёлые створки тут же с грохотом захлопнулись.

— Стойте здесь и никуда не уходите. Сейчас с вами будут говорить, — приказал оставшийся часовой.

— Ой, дяденька, а нас не посадят? — жалобно шмыгнул носом самый младший из сорванцов. — Мы же ничего плохого не сделали, честное слово! Только арахис на поле собирали...

Малыши уже готовы были разрыдаться. В их детском понимании военных расспрашивали только преступников, а становиться врагами народа никто не хотел. Патрульный даже растерялся: он никак не ожидал такой бурной реакции на простые слова и принялся неловко утешать перепуганную детвору.

Тем временем внутри штаба докладывали обстановку. Выслушав часового, высокий мужчина в военной форме резко поднялся из-за стола. Это был командир полка Чэнь Чжэнго.

— Товарищ генерал, похоже, дело принимает серьёзный оборот, — он чётко отдал честь пожилому человеку, сидевшему напротив. — Я лично отправлюсь на разведку и во всём

разберусь.

— Ступай, — кивнул дедушка Чжу. — Мои дела подождут, я здесь уже столько лет провел, привык. Но это происшествие у границ фермы оставляет слишком много вопросов. Ты здесь старший по званию, Чэнь, так что немедленно объявляй на ферме осадное положение.

— Есть! — гаркнул Чэнь Чжэнго и стремительно вышел, чтобы созвать людей.

Дедушка Чжу давно был лишён официальных военных полномочий, но старые связи никуда не делись. Узнав, что весть принесли деревенские ребята, он с удивлением спросил у ординарца:

— Скажи-ка, а вожаком у этих оборванцев не малец по кличке Гоудань?

— Не могу знать, товарищ генерал, имён не спрашивали.

— Передай Чэнь Чжэнго: если среди них есть Гоудань, пусть расспросит его поподробнее. Этот сорванец знает здешние леса как свои пять пальцев.

— Есть!

Вся территория государственной фермы мгновенно перешла на чрезвычайное положение. Было ли это делом рук обычных контрабандистов или тщательно спланированной диверсией — оставалось только догадываться. В условиях нынешней политической нестабильности в стране любая искра могла разжечь пожар, и допустить этого было нельзя.

Чэнь Чжэнго вышел за ворота и окинул строгим взглядом кучку притихших, вжавших головы в плечи ребят. Его взор остановился на Гоудане и рослом Дачжуане.

— Молодцы, ребята, — звучным голосом произнёс командир. — Если вы сказали правду, вас ждёт достойная награда от государства.

Гоудань незаметно скривился. Опять награда? Ну и зачем она им? Лучше бы разрешили официально собирать арахис на их полях, пользы было бы куда больше.

— Сколько тебе лет, парень? — обратился Чэнь Чжэнго к Дачжуану.

Тот испуганно захлопал глазами и запинаясь:

— Двенадцать... или тринадцать, товарищ командир. Точно не помню.

Поняв, что этот верзила слишком глуповат для жожака, Чэнь Чжэнго принялся расспрашивать остальных. Кто-то лепетал, что ему семь лет, кто-то — восемь или девять. Наконец командир перевёл взгляд на притаившегося Гоуданя.

— А ты что скажешь, малец?

Гоудань выпрямил спину и постарался придать себе как можно более невинный вид:

— Мне десять, товарищ начальник. А можно нам уже по домам пойти? Мы ведь просто дети.

Его взгляд то и дело косился на корзины с арахисом. Вдруг отнимут? Уж лучше поскорее убраться отсюда подобру-поздорову.

— Как звать-то тебя?

Гоудань почесал затылок и застенчиво улыбнулся:

— Да Гоуданем все кличут, товарищ командир.

— Ну так расскажи мне, Гоудань, что именно вы там видели.

Ван Сюань тихонько толкнул друга локтем в бок, удивляясь его притворству. Но Гоудань лишь жалобно шмыгнул носом:

— Ой, товарищ начальник, мы и так задержались, дома отцовский ремень ждёт. Мы ведь ничего толком и не поняли. Сперва подумали, что гром гремит, испугались страшно и на дерево залезли. Хорошо хоть лазить умеем, а то пропали бы совсем!

<http://bllate.org/book/19654/1996718>